

объект номера / object of the issue
Зарядье / Zaryadye

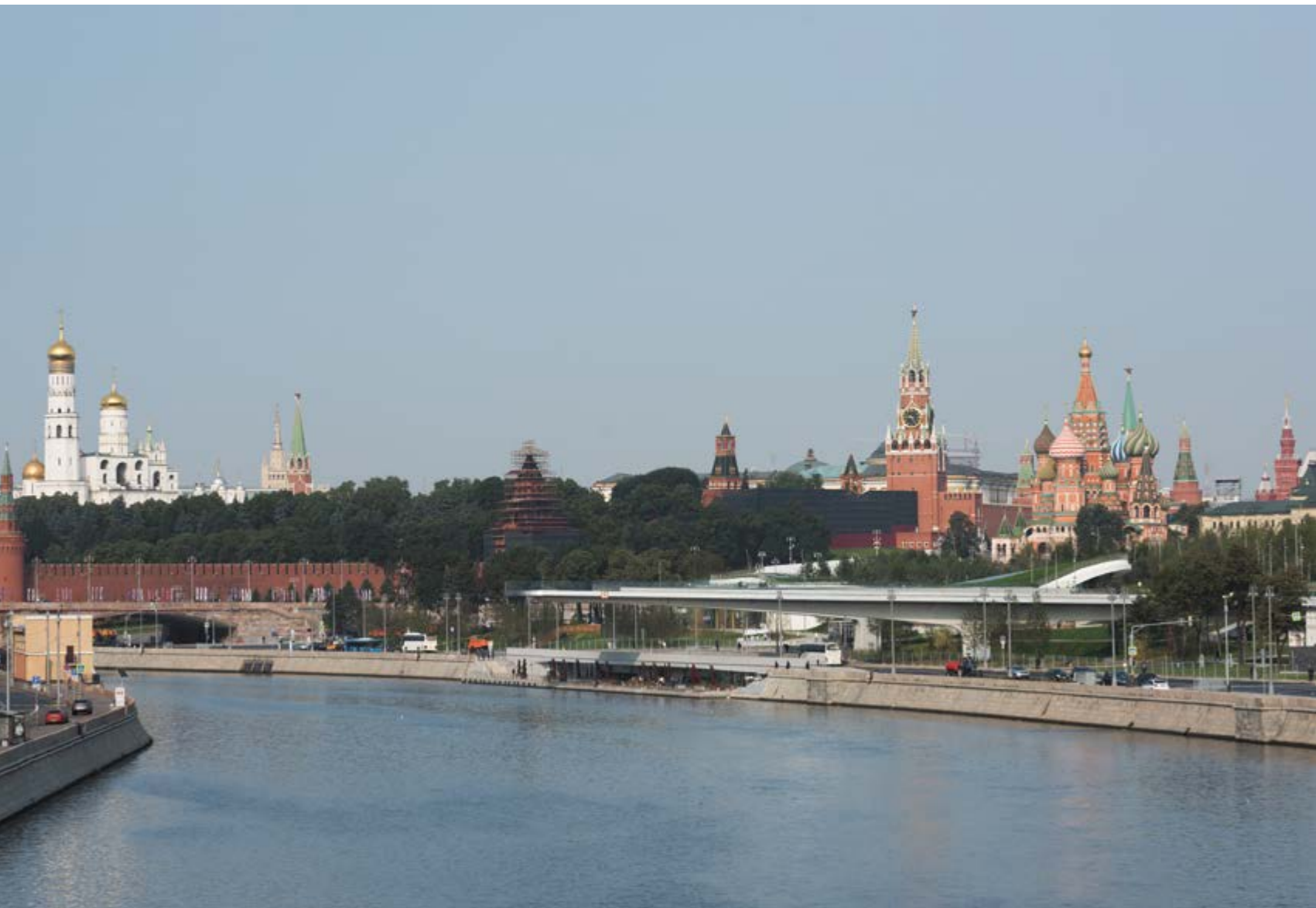
Рассматриваются проблемы «вызова», сделанного новым московским парком ортодоксальным представлениям о городских зеленых пространствах; необходимости осознанных синергетических усилий стейкхолдеров при создании городских объектов высокой сложности; допустимости яркого инновационного местостроительного решения в сердце исторической Москвы. Позитивно оцениваются корректное залечивание «дыры в пейзаже», существовавшей в Зарядье; организация нового пешеходного фрагмента набережной Москвы-реки; создание насыщенной разнообразными видовыми возможностями среды, адекватной современному «человеку селфи». Критически разбираются соотношение новых структур парка и исторической застройки улицы Варварка; невовлеченность общественности в процесс его создания; традиционное для России доминирование управленческого подхода «сверху вниз».

Ключевые слова: место; плейсмейкинг; публичное и общественное пространства; городские инновации; синергия; дикий урбанизм; зеркало для общества. /

The article touches on the challenge launched by the new Moscow Park against the orthodox ideas of city green spaces; the necessity of stakeholders' conscious synergetic efforts to create sophisticated urban objects; and the possibility of an outstanding innovative placemaking solution in the heart of historic Moscow. The author positively characterizes the appropriate healing of the 'hole in the landscape' which used to be in Zaryadye; the solution for a new pedestrian fragment of the Moskva River embankment; and the creation of the environment with functional diversity suitable for today's 'homo selfiens'. The author critically characterizes the correlation of the new structures of the park and the historic development of Varvarka Street; the lack of participation of the society in the development of the park; and the dominating administrative 'top-down' approach typical of Russia.

Keywords: place; placemaking; public spaces; urban innovations; synergy; wild urbanism; mirror for society.

Местостроение Зарядья / Zaryadye Placemaking

– Это – очень странное место!
 – А почему это место такое странное?
 – А потому что другие места очень уж не странные. Должно же быть хоть одно очень странное место!

Владимир Высоцкий.

**Из альбома «Алиса в стране чудес»,
 1976**

Место 3:

не парк, не мост.

Что ж это?

Вопрос не прост.

*Не поможет и Оже –
 это просто Место.*

3.

11.10.17

Вышедшая на русском языке одновременно с открытием «Зарядья» книга Марка Оже «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» [1] послужила одной из рамок осмысления этой темы.

1. Не парк?

Получившееся в Зарядье – конечно, не тот традиционный «парк», который может присниться коренному горожанину [2] и, скорее всего, был предложен к созданию здесь в феврале 2012; и даже не тот, что привиделся тут мне немного раньше судьбоносного для Зарядья официального высказывания про «парковую зону». Да-да, именно на цитате из статьи 2010 года поймал меня Анатолий Белов, сделав предложение написать этот текст:

«...Пустота на месте гостиница “Россия” и тропинка вдоль нее понижу Варварки – иллюзия возможности чего-то хорошего. Ну если не большого, тенистого и уютного городского сада, о чем и мечтать-то в Москве глупо, так хотя бы – воспоминаний о старом Зарядье... Иллюзия, конечно – чуть набухнут новые пузыри [рынка недвижимости – А. И.], застроят и его чем-нибудь банально-дубаистым... Но пока-то – здорово! Пройдитесь внизу Варварки по древнерусской, никогда не существовавшей, но не менее от этого реальной средневековой московской улице... Чудо просто. Объявить бы, пока не поздно, это пустое место достопримечательным! И честный конкурс на его небанальное решение – бы...» [3].

И вот был конкурс, и есть реализация победившего проекта. Я еще вернусь к тому, стал ли ландшафт Зарядья богаче, а место сильнее, и что случилось «внизу Варварки». Но уже сейчас можно сказать: сделанное – не имеет отношения к «пузырям». Не банально. И много больше того «обычного» парка, какой ждали здесь многие обыватели и проектировали почти все профессионалы.

Однако имя «Парк Зарядье» уже закрепилось, оспаривать его бессмысленно и не нужно. Произошла ли здесь подмена понятий? Нас обманули, подсунув в обертке «парка» что-то другое? Авторы, скорее, слукавили – да, это вовсе не «парк культуры», но маркировка привычным словом связывает, по словам Елены Трубиной, «незнакомый опыт со знакомым» [4] и придает этому новому знаковому объекту один из важнейших атрибутов места – поименованность, встроенность в городской язык. Будем, однако, помнить, что здесь мы имеем дело не совсем с парком.

Вот и Сергей Кузнецов говорит, что авторы стремились создать здесь пространство, по типу больше соответствующее не парку, а площади – открытой и насыщенной разнообразной городской активностью [5].

текст
Андрей Иванов /
 text
Andrei Ivanov

фото
Илья Иванов,
 архитектурный
 фотограф ([http://
 photoivanov.com/](http://photoivanov.com/))

photo
Ilya Ivanov,
 architectural
 photographer

2. Не ретроразвитие

Шесть лет назад, помимо упомянутой альтернативы (девелопмент «по Фостеру» vs простое озеленение «пустоты»), существовала и другая, более креативная (и более иллюзорная) дилемма освоения: воссоздание старого Зарядья (проще – планировочное, сложнее – архитектурно-символическое. Ну а чем, собственно, это не Старо Място?) vs создание чего-то абсолютно нового. И выбор последнего подхода удивителен на фоне куда большей проработанности первого, многократно прорисованного Борисом Ереминым и его учениками еще тогда, когда о сносе громадины «России» можно было только мечтать.

Те картинки в жанре «ретроразвития» предъявляли драматичный и эффектный образ возрожденной старой Москвы, «расшатывавший» статичное бюрократическое видение города [6] Но состоялось здесь именно развитие – в нашем городе наконец появилось что-то, чего в нем никогда не было и никем не мыслилось. То есть помышлялось-то тут многое и разное, в том числе и вполне революционное, а вот появлялось ли? После рабочих клубов и домов-коммун, пожалуй, нечего вспомнить. Не считать же действительными инновациями высотки [7] (последнюю из которых наше место отвергло) или стеклбетон в Кремле – футляр для все тех же архаичных партсъездов и «праздничных концертов»?

Именно о дефиците нового в Москве говорит ажиотаж посетителей в первые дни работы Зарядья. Москвичам приелись варенье, зеленые человечки и живые ряженые [8]. Кажется, что им остро не хватает новизны в общественной сфере (public realm) – вот почему они сюда устремились.

Но оправдаются ли их ожидания, не ограничатся ли практики использования Зарядья сугубо зрелищно-развлекательными, станет ли оно местом живого межлического общения, будет зависеть скорее от работы его институций (медиа-центра, концертного зала, музеев, аттракционов и пр.) и качества происходящих событий, чем от самих москвичей – такова уж природа нашей не богатой альтернативами публичной жизни.

3. Заодно / врозь

Синергия идей и усилий различных акторов и стейкхолдеров, творцов и организаторов – очень редкая у нас штука. Создатели – зарубежные мастера, придумавшие концепцию Зарядья («природный», «естественный» или «дикий» урбанизм [9]), местные архитекторы и инженеры – авторы отдельных объектов, строители, управленцы, пиарщики – могли бы разбежаться кто в лес, кто в мост, кто в пещеры, кто в купол, но этого не случилось. Эффект целого превосходит частности. Угадывается немалая работа опытного менеджмента, необходимая при реализации сложных городских проектов и опять-таки редко доводимая у нас до конца. И это позволяет надеяться на постепенное залечивание и исправление многих недоработок, справедливо отмеченных конструктивными критиками.

Но важную роль играют и «разрушители» потенциального места, которые появились одновременно с его созданием – и это не только (мифические?) выдерживатели тундровых травок, но и ярые отрицатели самой возможности существования здесь того, что появилось, и хулители конкретного архитектурного результата и его влияния на город. На самом деле острая дискуссия, развернувшаяся в Москве по поводу появившегося в ее public realm нового (а не, как обычно, исчезнувшего старого), выполняет – от противного – ту самую «ереминскую» функцию «разрушения» образных клише не только Зарядья, но, возможно, и Москвы в целом, и готовит почву для осмысления ее как мирового города эпохи «гипермодерна», постоянно требующего средовых инноваций и действительно производящего их, в том числе в среде ценнейших архитектурных памятников.

Так что и синергия здесь не обычна: агора И тундра, центробежность И организация, утверждение И отрицание.

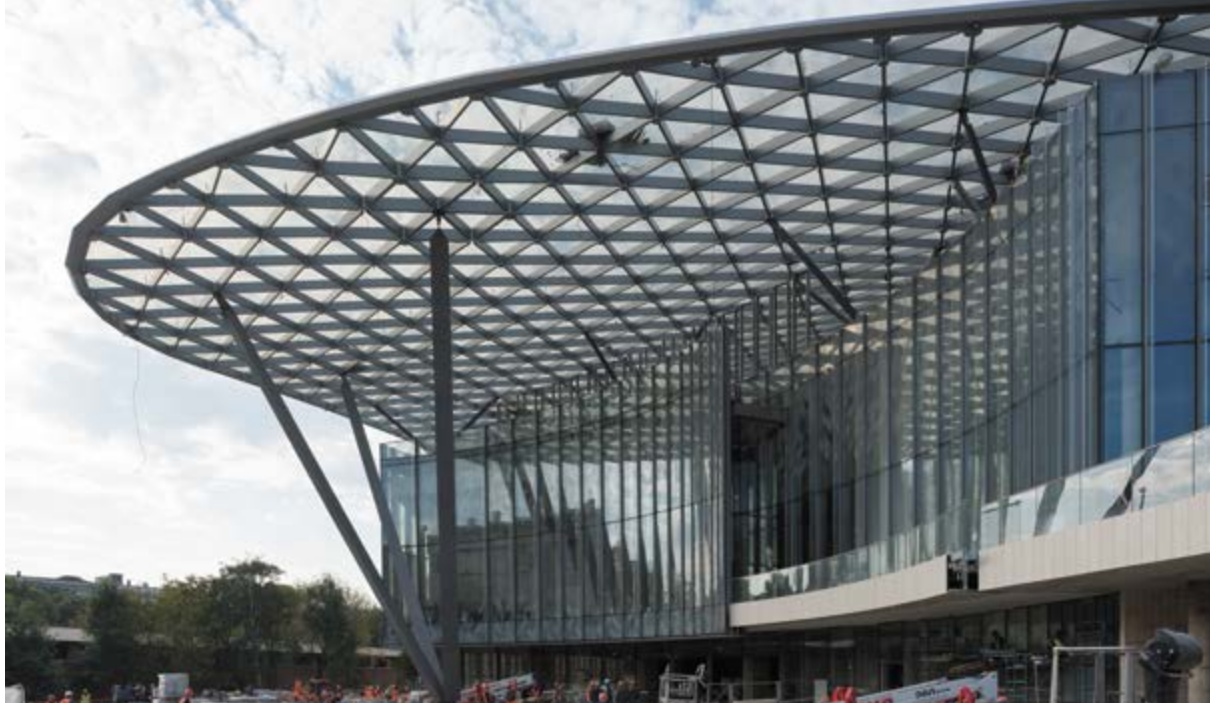

13

РЕТРО-ТЕПЛОХОД
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ

4. Не снизу

Правила синергии, необходимой при создании современного общественного пространства – плейсмейкинг – сформулировала базирующаяся в Нью-Йорке авторитетная группа урбанистов Project for Public Space. И это другая, не-зарядьевская (не московская и не российская) синергия, которая достигается взаимоусилением нескольких идущих «снизу вверх» процессов [10]. По мнению PPS, чтобы вырастить Место, нужно:

а) выстраивать местную экономику, поддерживать малое предпринимательство, укреплять собственность местных жителей;

б) выявлять и лелеять идентичность сообщества, развивать самоуправление и возможности участия в происходящем, поддерживать в людях чувства принадлежности;

в) способствовать частым и содержательным контактам людей, сохранять накопленные местом знания и ценности, снижать социальные барьеры;

г) привлекать разнообразных посетителей, культивировать этнический и культурный плюрализм, расширять диапазон активностей;

д) усиливать ощущение комфорта, визуальную привлекательность, улучшать качество повседневной среды;

е) повышать доступность, безопасность и пешеходность, развивать общественный транспорт, уменьшать потребность в автомобилях и стоянках [11].

Здесь же действовал альтернативный этим правилам, наш привычный top-down подход. Да никто, если честно, и не пытался заниматься тут «выращиванием места», а не только его зеленой составляющей. Зарядье создано сверху. Включая условия для осуществления некоторых правил PPS (интенсификации контактов, разнообразия посетителей, визуальной аттрактивности, большей связности элементов городского пространства) и априори исключая другие: ни местных жителей, ни местной экономики тут попросту нет.

Но, представляется, все же не только сверху. Зарядье очень устало за последний век быть «кубитым», закрытым, пустым. Действия сверху направлялись не в пустоту,

опирались на накопленные местом скрытые, неочевидные смыслы, на его *genius loci*. Не в нем ли – главный аккумулятор синергии?

Что-то полезное можно делать и «сверху вниз» – вот добавить бы еще энергии встречного – общественного, гражданского вектора...

Впрочем, упрек в недостаточной «общественности» этого места можно снять, вспомнив про различие общественного и публичного пространств, о котором говорил Виктор Вахштайн [12]. В Зарядье пока – пространство публичное. Станет ли оно общественным – зависит не только от него самого.

5. Не мост?

А вот с именованием самого яркого элемента «Парка Зарядье», настоящего проявления дикого урбанизма, его сторителлеры, возможно, чуть просчитались. Как было не предвидеть шуток о «мосте в никуда»? Поздно придумывать ему другое, более конструктивное имя, но приходящий в голову «балкон Зарядья», пожалуй, стоит пообсуждать.

А вдруг и у Москвы должен был появиться свой «балкон Джульетты»? Да, она не Верона, большая, совсем другая, ее «внутренняя Джульетта» многолика и не слишком-то постоянна, и для выхода такой героини на свиданье к Ромео-Кремлю подходит вот именно что-то такое странно-отвязное.

Отсюда заново виден не просто открыточный Кремль, но самый смысл московских отношений города и замка: это платонические любовники, жестоко разделенные судьбой и соединяемые – лишь визуально – этим новым балконом. Легкомысленная Юлька-студентка и солидный Ромео-Кром [13], миланским денди стоящий на кромке игрового поля нашего города. Но: «вы глядите на него, а он глядит в пространство...» [14].

Этот мост-балкон не решает проблему малой связности и характерности берегов Москвы реки (то ли дело Правый/Левый в Париже, Северный/Южный в Лондоне). Зато добавляет в образ левого берега причудливости и идентичности.

6. Прорыв

Но едва ли не более интересно то, что под этим балконом. А там – небольшой физически, но очень важный для центра Москвы прорыв города к реке. В самом ядре города наконец – впервые за 80 лет с тех пор, как берега здесь «заковали в гранит» – появилась человеческая набережная. На пространстве от Большого Каменного до Устьинского мостов после сталинской реконструкции оставалось всего два спуска к воде (из 13), отделенных от городских тротуаров магистралями с напряженным трафиком. Создан третий, пусть и соединенный с городом переходами через сохраненную (пока?) магистраль. Жаль, что один из них – подземный – получился слишком обыденным и узким, но тем эффективней пространственный контраст при выходе на реку из его дверей.

Воплощена в жизнь идея С. Кузнецова, по его словам, активно продвигавшего концепцию контакта Зарядья с Москвой-рекой: «Так появился выход на набережную и парящий мост, который “раскрывает” реку по-новому. Здесь важно именно эмоциональное восприятие реки, осознание, что мы находимся на реке. Раньше из-за узости русла, высоты набережных и отсутствия точек обзора этого контакта не было вообще. Сегодня он появился в самом широком смысле» [15].

К самой воде, как в Питере по фельтеновским ступеням, спуститься все же нельзя, и она пока «не контактна». Но предельно приблизиться, посидеть на деревянной скамье, услышать плеск волн – можно. И это немало.

7. Бедная Варварка

(К)Ромка-Ромео при своих, Юлька-Джюльетта в плюсе, живой набережной тут вообще раньше не было, а вот другая героиня этого места, древняя и любимая улица Варварка, кажется, проиграла. Что ж, такое сильное, не всеми понимаемое пока и для многих чужое новое не могло, наверное, народиться без чьих-то слез...

Решение «шва» между Варваркой и Зарядьем вызывает больше всего вопросов. Зачем-то унифицированы милые дворики монастыря, церквушек, музеев, совсем недавно любовно обустроенные «снизу». Теперь они раскрыты на северный край Зарядья, но потеряли уют и своеобразие.

И той придуманной мной узенькой «средневековой» улочки старого Зарядья – больше нет... Вместо нее – широкая и бесформенная мини-эспланада. На достаточно большом протяжении Варварки новый искусственный холм выходит к ней темной стеклянной «спиной» в два этажа. Так что здесь – в самом чувствительном месте, на непосредственной границе нового и старого – ландшафт богаче не стал. Малыми местами пожертвовали в пользу большого?

Эта стена словно говорит Варварке, как Эраст не верящей своим глазам бедной Лизе: «Обстоятельства переменялись; я помолвил жениться; ты должна оставить меня в покое и для собственного своего спокойствия забыть меня. Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Вот сто рублей – возьми их, <...> позволь мне поцеловать тебя в последний раз – и поди домой».

А с территории самого Зарядья теперь видны лишь верхушки храмов, «утонувших» в новом рельефе. Ориентированные на Кремль холмы и амфитеатры к ним равнодушны. В отношении Зарядья с ближним контекстом проявилась обратная сторона того подхода авторов, который показал эффективность в контексте дальнем: «Было бы большой ошибкой оглядываться на контекст и связывать образ парка с соседними сооружениями, пусть даже это Кремль и собор Василия Блаженного. Это разные эпохи, разное видение архитектуры, и не нужно их подгонять друг под друга, пусть они сосуществуют параллельно» [16].

Ну да, для нового Зарядья любезная нам Варварка – это какой-то крайний север, «за тундрой»... Возможно, иностранные мастера просто не успели разглядеть ее и полюбить. Кремль затмил ее в их глазах. А наши? И не любили?

Эх, надеюсь, новые прудики под березками не так глубоки, как тот, «под тению древних дубов» «чистый пруд, еще в древние времена ископаный», и буде какая сегодняшняя мечтательница и сиганет туда от несчастной любви – выйдет сухой-здоровой. И хорошо.

Ну а Варварка-Лиза, столько уже перевидевшая в веках, переживет и эту эрастову спину.

8. Вид – наше все?

Зарубежные проектировщики чутко уловили нашу страсть к любованию далью. Для него созданы небывалые раньше возможности. Отечественный культ вида (когда, по Бродскому, «простор важней, чем всадник» [17]) здесь развит, пожалуй, до предела. Но и – парадоксально понижен. Холм под «стеклянной корой», «балкон» Зарядья, тундровая гора и другие козырные точки селфи – бомба замедленного действия, подложенная под этот культ. Созданием «котен новых видов» [18] как бы оспорена их безусловность. Вместо нескольких избранных статичных позиций для обозрения красивой (и не очень доступной) властной цитадели вдали – динамичная множественная среда самых разных пересекающихся взглядов и «зеркалец» смартфонов, где на первом плане уже не памятник, а ты сам. Пассивные наблюдатели-зрители чужой постановки становятся авторами собственной. Так, популярным направлением объективов стала высотка на Котельнической, снимаемая с моста-балкона, как кажется, не реже Кремля.

Тот же поэт, празднуя 5-летие своей эмиграции, отметил разницу в восприятии советской и иной среды, в которой перед ним –

«...пространство в чистом виде.

В нем места нет столпу, фонтану, пирамиде.

В нем, судя по всему, я не нуждаюсь в гиде».

Возможно, в «гиде»-поводыре – абсолютной визуальной или смысловой доминанте – не нуждаются и сегодняшние посетители Зарядья – места для человека мира, видевшего миллионы иных видов в тысяче иных мест. А среди них панорама Кремля из-под «стеклянной коры» – да, одна из самых прекрасных.

9. Место

В центре Москвы создавать новые места [19] давно уже не получалось. В конце 80-х – недолгий успех пешеходного Арбата, недавно – Парка культуры и Музеона – но это не самый центр. Разделим общественные пространства вокруг нашего главного пока не-места [20] – Кремля – на три вида: места, не-места и зоны транзита.

Вот, скажем, пары «старое/новое»: ГУМ – место, Гостиный двор – нет. Александровский сад (он-то и есть тот

самый уже существующий у Кремля традиционный парк, который отвечает энциклопедическим определениям [21]) – место, а прилегающая Манежка – нет. Ильинский сквер – место, а Лубянская площадь, как и Славянская (как до, так и после их недавней реконструкции) – нет.

Случаются и негативные метаморфозы. Сквер у Большого театра – был местом, а теперь перестал. Его, как и многие другие пространства, создаваемые в центре Москвы в рамках благоустройства последних лет, можно назвать заместителем (имитатором) места (еще одна категория анализа?).

Ну а Красная площадь, как ни печально, нынче скорее транзитна, чем самоценна. Она при Кремле, это пространство между ним, собором Василия Блаженного, ГУМом и Историческим музеем. Но не сама по себе. Да, селфи здесь делают и в мавзолей все еще ходят, а теперь будут ходить через нее и в Зарядье, но не маловато ли этих функций для великой площади?

А вот наше место 3 – не «при». Есть должная дистанция от Кремля. И есть самостоятельность.

Здесь Москва поднадужилась. Мускулы холмов, дерзко выставленный локоть моста-балкона, впускости прудов – видимые свидетельства этого напряжения. Концентрации смыслов, нагнетаемых пока несколько искусственно (ибо, опять-таки, «сверху») в интерьерах объектов-аттракционов – его незримые проявления.

И, кажется, у нее получилось, впервые за век. Да, по терминологии Оже, это не антропологическое место не антропологического человека эпохи гипермодерна [22]. И в том, что как раз тут сто лет назад было одно из самых «антропологических мест» Москвы [23], есть некоторая ирония. В 1940-е оно сменилось котлованом не построенной высотки, затем – не-местом полузакрытой «России» (по сути, гигантская гостиница тоже была огромной «дырой в пейзаже» – лакуной в живой городской ткани) и пустыря уже на ее месте. Но лучше уж историческая ирония, чем пустота.

И вот сегодня – парадоксальное возвращение места в «местность» – через обретение новой самости, уникальности, отличности от других. «Дыра в пейзаже», кажется, залечена.

Место вздохнуло (после его подавления «Россией» и задуманного Н. Фостером, но, к счастью, не случившегося планировочного насилия) и сделало шаг к себе.

Да, еще далеко до такого отношения социума и места, когда люди ощущают его как свое любимое, «часть себя» или «притягивающий магнит» [24]. Ну так ему же всего несколько месяцев от роду.

10. Зеркало

Международная «Хартия общественного пространства» гласит: «Общественные пространства – это <...> места коллективной жизнедеятельности местного сообщества, свидетельство разнообразия его общего достояния, природного и культурного богатства и основа его идентичности. <...> Сообщество осознает себя в своих общественных пространствах...» [25]. Не поспоришь. Да, нам построили зеркало. Мы, может, и хотели бы другого отражения себя как сообщества, да где ж его взять? И это, если честно, здорово льстит. Не прикладывали

собственных усилий по местостроению, привычно ждали подарка сверху, а получив, как всегда недовольны. А может, неча пенять? А, напротив, поблагодарить тех, кто это сделал, за возможность заново осознать себя?

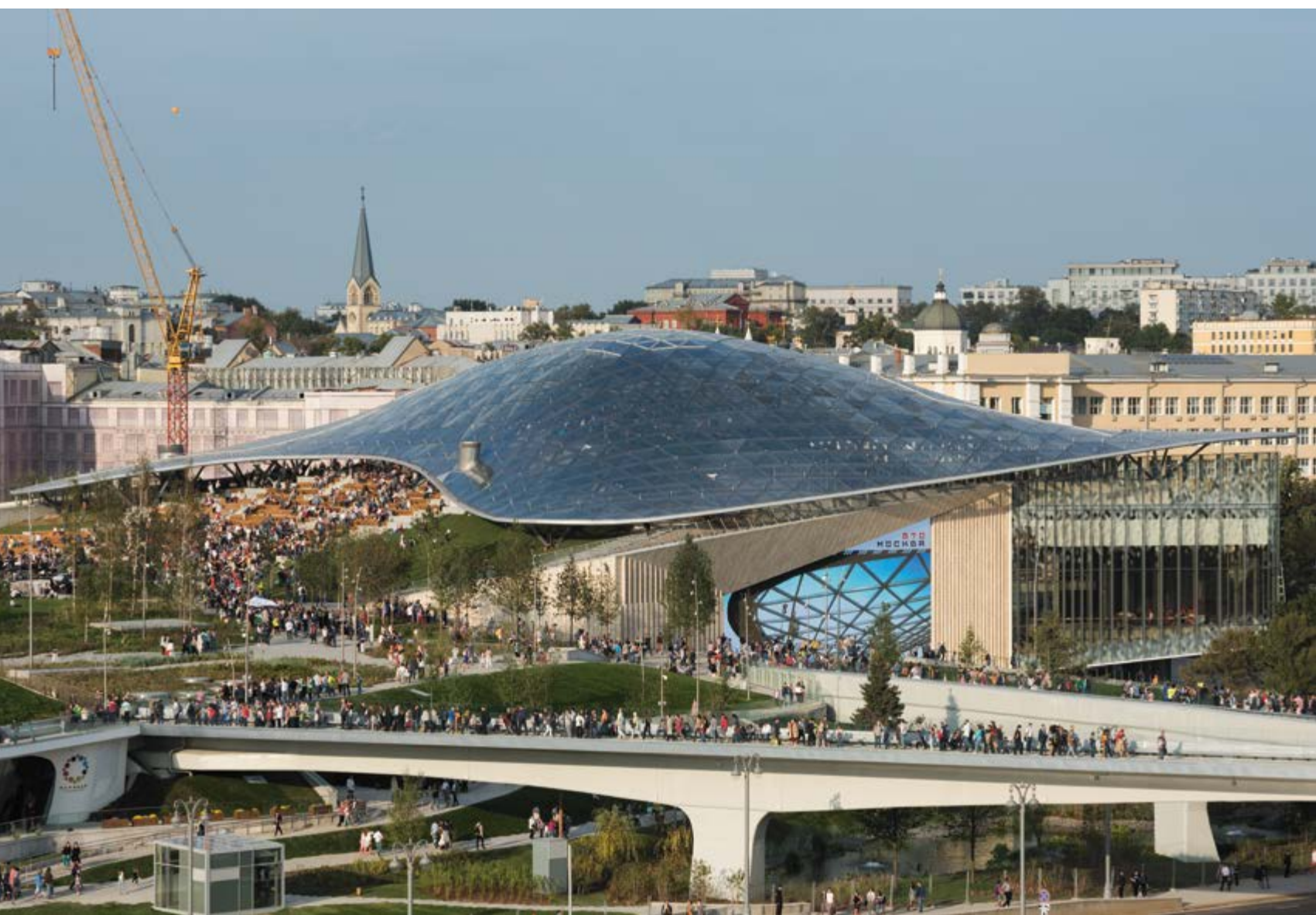
Хочется верить эксперту Citymakers Эверту Верхагену, твердо стоящему, впрочем, на позициях плейсмейкинга: «с открытием парка все только начинается» [26].

З

аЗ. Здесь. Земля. Завет. Зарница. Зеница. Зырк. взор. Зов. Звон. Зонг. Зев. Зелье. Зима. ЗакаЗ. узы. Злость. вдрыЗг. Зря. трюиЗм. ЗаЗор. СквоЗь. Зерно. Злак. береЗа. Знак. Знатно. Застолье. Застывшая музыка. wild-урба-ниЗм.

Зреть. Знать. Звать.

ЗинЗивер. гЗи-гЗи-гЗео. Зело.

Литература

1. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. – М. : Новое литературное обозрение, 2017
2. Кушнер А. Меж Фонтанкой и Мойкой... – СПб. : Издательство «Арка», 2016. – С. 20. «Мне приснятся парки, / Улицы, дома, / Выпуклые арки, / Снежная зима, / Площади, метели, / Мостики, мосты...» – в перечислении атрибутов города у Александра Кушнера парк не случайно стоит на самом первом месте.
3. Иванов А. Бедный ландшафт слабого места // Проект Россия, 2010. – № 3 (57). – С. 139
4. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – С. 458
5. Высказывание на экскурсии по Зарядью для автора 26 октября 2017 г.
6. См., напр.: дипломный проект Татьяны Бологовой «Мемориально-сакральный комплекс в Зарядье», 1995 // Проект Россия, № 3 (57). – С. 38
7. «Печальным символом московских холмов – семью гигантскими грудями строительного мусора» назвал их недавно Сергей Гандлевский (В поисках утраченного места. Текст к выставке А. Бродского «Красная дорожка». Галерея «Триумф», 3–26 ноября 2017 г.)
8. Впрочем, стрельцы с палашами были замечены и в Зарядье. Забрели ненароком с Красной площади?
9. Авторы из Diller Scofidio+Renfro пишут на своем сайте: «Дизайн [парка] основан на принципе дикого урбанизма [Wild Urbanism], гибридного ландшафта, где природное [the natural] и построенное вступают в симбиоз ради создания нового типа общественного пространства» [Электронный ресурс] // <https://dsrny.com/project/zaryadye-park>
10. Может быть, потому, что он относится к движению «снизу», термин placemaking звучит чуть скромнее, чем созвучное название одной из компаний консорциума авторов «Зарядья» – Citymakers.
11. [Электронный ресурс] // www.pps.org
12. Город в меняющемся мире. Стенограмма публичной дискуссии с участием Оливье Монжена, Сергея Кузнецова и Виктора Вахштайна [Электронный ресурс] // <http://polit.ru/article/2012/10/29/urban/>: «В социологической теории есть аксиома – общественным пространство делает некоторая стоящая за ним форма общности. Любое место оказывается ровно в той степени общественным, в какой служит «точкой сборки» некоторого сообщества, его пространством солидарности. <...> Можем ли мы тогда вообще говорить об общественных пространствах в предельно индивидуализированных современных городах, городах фланеров? Является ли Болотная площадь «агрегдом» древнегреческой агоры или хотя бы ее слабым подобием? Нет. Однако она может ей стать в тот момент, когда на ней начинает собираться (и с ней себя идентифицировать) некоторая новая социальная общность. Это процесс «обобществления» пространства, его производства в практике солидаризации. Иными словами, общественными пространства не проектируются, они ими становятся».
13. Этимологический анализ эволюции наименований московской крепости см.: Мокеев Г. Кром – кремник – кремль [Электронный ресурс] // <http://www.voskres.ru/architecture/kremlin2.htm>

14. Проверено: из Кремля Зарядье лишь чуть проглядывается сквозь кроны деревьев Тайницкого сада, даже зимой. У него другие визуальные приоритеты.
15. «Надо уметь адаптироваться к специфике места». Главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов – о градостроительных задачах и архитектуре двух столиц [Электронный ресурс] // Известия. – 2 ноября 2017. // <https://iz.ru/664983/sergei-uvarov/nado-umet-adaptirovatsia-k-spetsifike-mesta>
16. Автор «Зарядья» Чарльз Ренфро – о парковом буме и благоустройстве Москвы [Электронный ресурс] // 13 октября 2017. <https://realty.rbc.ru/news/59e0ab269a794783a36f7c9e>
17. Бродский И. Пятая годовщина (4 июня 1977) // Сочинения Иосифа Бродского. – СПб. : Пушкинский фонд, 2001. Т.3. – С. 147–150. Далее в тексте – цитаты из этого стихотворения
18. Так говорят сами авторы, а блогер Илья Варламов сравнил новую ситуацию обзора Кремля с попаданием после советского дефицита в супермаркет со 100 видами колбасы [Электронный ресурс] // <https://newizv.ru/news/city/11-09-2017/krasota-ili-lyapota-sporu-vokrug-parka-zaryadie-nachalis-srazu-posle-otkrytiya-885e2a64-ecf9-4421-9441-948ed00cad2a>
19. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. – СПб. : Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2013. – С. 208–209. Здесь я нашел самое поэтичное из множества определений места: «Места – это фрагментарные и “свернутые” истории, это прошлое, которое утаивается от чтения другого, это накопленные времена, которые могут быть развернуты, но которые являются скорее повествованиями, хранящимися про запас и остающимися загадками, наконец, это символизации, закапсулированные в боль или удовольствие тела. “Мне здесь хорошо”: это блаженство, которое не может полностью выразиться в языке, где оно показывается лишь на мгновение, как блеск молнии, является практикой пространства»
20. Сегодняшний Кремль полузакрыт, сверх-политизирован и по сути выключен из городской жизни. Он, безусловно, «место памяти», но при этом не-место скорее даже не в понимании М. Оже, а М. де Серто: «Если место может быть определено как создающее идентичность, формирующее связи и имеющее отношение к истории, то пространство, не определяемое ни через идентичность, ни через связи, ни через историю, является не-местом. <...> Гипермодерн производит не-места, то есть места, которые сами не являются антропологическими местами и <...> не связывают исторические места: последние, подвергшись инвентаризации, классификации и отнесению к “местам памяти”, занимают в современности специфическое, строго очерченное место». – Оже М. – Указ. соч. – С. 84–85
21. Напр.: «Парк (от средневекового лат. *parcicus* – отгороженное место) – участок земли для прогулок, отдыха, игр, с естественной или посаженной растительностью, аллеями, водоемами и т. д.» [Электронный ресурс] // Большой Энциклопедический словарь. 2000. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/227890>. «Парк – большой общественный сад или участок земли, используемый для отдыха» [Электронный ресурс] // <https://en.oxforddictionaries.com/definition/park>
22. Оже М. – Указ. соч. – С. 101
23. Там же. – С. 109. «“Антропологическое место” складывается из уникальных идентичностей – местных языковых особенностей, примет пейзажа, неписанных правил жизни...»
24. О результатах исследования ментальной взаимосвязи человека и места, проведенного британским Национальным фондом объектов исторического интереса либо природной красоты (National Trust), см.: Davies, Caroline. Wellbeing enhanced more by places than objects, study finds [Электронный ресурс] // The Guardian. 12 October 2017 // https://www.theguardian.com/education/2017/oct/12/wellbeing-enhanced-more-by-places-than-objects-study-finds?mc_cid=69535df4a4&mc_eid=15637d20ea
25. Разработана Istituto Nazionale di Urbanistica (INU), Italy совместно с UN-Habitat, принята на Второй биеннале общественного пространства в Риме в 2013 г. [Электронный ресурс] См.: http://www.biennalespaziopubblico.it/wp-content/uploads/2013/11/CHARTER-OF-PUBLIC-SPACE_June-2013_pdf-.pdf
26. Эверт Верхаген рассказал о парке Westergasfabriek в Амстердаме [Электронный ресурс] // 27 июля 2017. // <http://archsovet.msk.ru/article/city-design/evert-verhagen-rasskazal-o-parke-westergasfabriek-v-amsterdam>